

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

THE INFLUENCE OF GLOBAL INFORMATIONAL PROCESSES ON PRESERVING THE NATIONAL-CULTURAL IDENTITY OF RUSSIAN SOCIETY

**A. Kamenez
N. Orlova**

Summary. The article is devoted to the problem of counteraction of Russian culture to the intentions of the globalists to destroy national-cultural identity of Russian society, pursuing geopolitical interests. It considers the antonymy of characteristics of Russian people's spiritual mentality. It analyses the antonymous traits of Russian national character in terms of finding out potential opportunities for forming positive identity of Russian society. There is a comparison of both positive and negative traits of Russian national character. The results of this comparison allow outlining the further prospects of studying the influence of global informational processes on forming the positive identity of Russian society. The article examines peculiar traits of Russian culture, which do not fit the traditional assessment and stereotypes regarding Russian civilization, but determine the unique position of Russia in world cultural space. The article may be interesting for the study of globalization processes, opportunities for intercultural dialogue, forming the common strategy of cultural development of Russian society and preserving the national cultural heritage.

Keywords: culture, globalization, information, identity, mentality, civilization.

Каменец Александр Владленович,

*Д. культурологии, профессор, Российский
государственный социальный университет (Москва)*
Kamenez.a@rambler.ru

Орлова Наталья Георгиевна,

*Аспирант, Российский государственный социальный
университет (Москва)*
Nata-Lia-Nata@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме противостояния отечественной культуры стремлению глобалистов уничтожить национально-культурную идентичность российского общества, руководствуясь геополитическими интересами. Рассматривается антиномичность характеристик духовного менталитета русского народа. Осуществляется анализ противоположных черт русского национального характера в аспекте выявления потенциальных возможностей формирования позитивной идентичности российского общества. Проводится сопоставление как положительных и отрицательных характеристик национально характера русского народа. Результаты этого сопоставления позволяют наметить дальнейшие перспективы изучения влияния информационных глобальных процессов на формирование позитивной идентичности российского общества. В статье рассматриваются характерные черты русской культуры, не вписывающиеся в традиционные оценки и стереотипы по отношению к русской цивилизации, но определяющие уникальное положение России в общемировом культурном пространстве. Статья может представлять интерес для изучения процессов глобализации, возможностей межкультурного диалога, выстраивания общей стратегии культурного развития российского общества и сохранения отечественного культурного наследия.

Ключевые слова: культура, глобализация, информация, идентичность, менталитет, цивилизация.

Введение

Проблема формирования национально-культурной идентичности российского общества существенно обострилась в ситуации ведущейся информационной войны Запада с Россией, пытающегося сохранить свое глобальное лидерство за счет лишения нашей страны и многих других государств самостоятельной субъектности в межгосударственных взаимоотношениях. Это стремление выражается в соответствующем информационном манипулировании мировым общественным мнением, направленным на распространение стереотипа об отсутствии позитивной национально-культурной идентичности народов России. Последняя означает наличие устойчивых духовных традиций, осознание российским обществом достижений в его

историческом прошлом, культурного наследия и своего места в мировой цивилизации в качестве страны с самобытной культурой и собственным творческим потенциалом.

Вместо этого во влиянии информационных глобальных процессов на сохранение национально-культурной идентичности российского общества наметилась тенденция везде, где это возможно навязывание стереотипа о негативной идентичности российского социума, которая заключается в отсутствии у нашей страны собственных культурно-исторических достижений, своей самобытности; страны, способной лишь следовать в фарватере «передовых» стран Запада, реализуя т.н. «принцип догоняющего развития» [3].

Вместе с тем, сохраняется и противоположная тенденция — надежды на то, что именно русская культура и цивилизация с ее уникальным историческим прошлым, где огромную роль играет отражение различных нашествий, представляющих угрозу для всего человечества, способна противостоять гегемонии какой-либо сверхдержавы, агрессивным устремлениям «коллективного Запада» подчинить своим интересам остальные народы и государства [12,17]. Рассмотрим эти тенденции более подробно.

Методика

В качестве исходного методического положения при рассмотрении этих тенденций можно выделить зафиксированную исследователями русской культуры противоречивость менталитета русского народа, описанную, прежде всего, в философской и художественной литературе.

Так, по мнению выдающегося русского философа Н. Бердяева русская душа традиционно вмещала в себя такие противоположные начала как языческое и дионисийское отношение к миру и тяготение к аскетизму и даже монашескому смирению; принятие деспотизма, гипертрофированность значения государства и склонность к анархии, вольнолюбивость; проявление жестокости, стремления к насилию и наличие доброты, человечности, душевности; распространенность обрядоверия и поиск правды; индивидуалистические установки, персонализм и обезличивающий человека коллективизм; националистические проявления и склонность к универсализму; глубокая внутренняя религиозность, носящая эсхатологически-мессианский характер и проявление внешней благочестивости; поиск Бога и воинствующий атеизм; готовность к смирению и проявление наглости; рабство и бунтарские настроения [2].

Эти выявленные противоположности послужили основанием для актуализации проблематики «загадки русской души», особой «русской идеи», которая остается востребованной и в настоящее время. Выясняется, что привычные западно-европейские шаблоны в оценке национально-культурной идентичности русского народа остаются непродуктивными и мало перспективными. Очевидно, что необходимо какое-то объяснение сочетания вышеназванных противоположностей, которые являются проявлениями целостной духовной сущности русского национального типа, которая не вписывается в традиционные европейские представления о менталитете того или иного народа, этноса.

В этой связи представляет интерес чрезвычайно глубокое заключение Н. Бердяева о том, что русский народ

в большей мере является «душевым», чем «духовным», что дало основание выделить некоторую «женственность» в русском национальном характере. Более конкретно, речь идет в данном случае об особой «всемирной отзывчивости» русского человека, о которой писал и говорил еще Ф.М. Достоевский [5]. Эта отзывчивость оказалась способной вмещать в себя не только положительные, но и многие отрицательные свойства, позволяющие русскому народу обрести такое качество как «протеидность» — способность принимать самые различные формы социального существования под давлением жизненных обстоятельств [19]. Благодаря этому русский народ, даже в условиях нашествий, вынужденной подчиненности тому или иному насилию (например, монгольское иго, авторитарные деспотические политические режимы и т.д.) приобрел огромную жизнеспособность и сохранил ту человечность, которая традиционно отличала русский национальный характер от характера многих других народов и цивилизаций [6,8].

Соотнесение таких оценок с изучением соответствующих современных процессов влияния глобализации на национально-культурную идентичность российского общества позволило получить соответствующие исследовательские результаты, которые рассматриваются ниже.

Результаты

Выше отмечалось существование такой негативной тенденции в глобальных информационных процессах как навязывание стереотипа о негативной идентичности российского социума. Эта тенденция основывается на выделении отрицательных черт, присутствующих в рассмотренных противоречиях русского национального характера. Рассмотрим эти характеристики.

«Языческое обожествление природы», элементы которого сохранились в традиционном русском фольклоре и даже, пусть в трансформированном виде, в православной обрядности. Особая близость русского человека к природе, оценивается глобалистами как «нецивилизованность», «дикость» русского народа далеко от подлинной культуры и просвещенности.

«Принятие деспотизма, гипертрофированность значения государства» в жизни русского народа, отмеченные Н. Бердяевым, трактуются как рабская психология, преклонение перед бюрократией, чиновничеством, неприятие подлинной демократии и свободы.

«Проявление жестокости, стремления к насилию» связываются глобалистами с отдельными историческими периодами (например, с правлением Ивана Грозного, Сталина, с Октябрьской революцией 1917 г.

и т.д.) с последующим заключением о природной свирепости и жестокости русского народа, противостоящего просвещенному гуманизму Западной Европы.

«Распространенность обрядоверия» фиксируется сторонниками глобализма как возрождение в России церковной жизни, препятствующей подлинной модернизации и полноценному социально-культурному развитию нашего общества, приверженного старомодной архаике и пассивному ожиданию благ без собственных усилий и стремлений.

«Наличие индивидуалистических установок» в российском обществе оценивается весьма своеобразно. Если традиционный западноевропейский и американский индивидуализм трактуется как проявление самостоятельности, активности, трудолюбия, целеустремленности, то в России, по мнению глобалистов, проявление этих качеств исторически можно рассматривать в качестве зависти, постоянных покушений на частную собственность, коррупции, воровстве как проявлений собственных эгоистических интересов.

«Националистические проявления» русского народа рассматриваются с позиций глобализма как проявление шовинизма, попытки навязать свое присутствие в других странах, как стремление завоевать народы в угоду своим геополитическим интересам.

«Готовность к смирению, рабство» приписываются российскому обществу как устойчивая генетическая черта и на этом основании строятся самые различные русофобские теории и доктрины, начиная от исходной «неполноценности» русского народа, кончая его неспособностью осваивать демократические ценности.

В анализе стереотипов по отношению к российскому обществу, внушаемых с помощью глобальных информационных технологий, присутствуют также трактовки другого (в известной мере положительного) полюса в противоречиях русского характера, рассмотренных выше. Остановимся на этих трактовках.

«Тяготение к аскетизму и даже монашескому смирению» в русской духовной традиции оценивается в качестве провинциализма и примитивности религиозной жизни, которая, по мнению глобалистов, неизбежно должна быть секуляризованной и подверженной различным модернизациям и трансформациям начиная от обрядности, кончая содержанием религиозных догматов в соответствии с логикой общецивилизационного развития.

«Склонность к анархии, вольнолюбивость русского народа» трактуется как традиционное неприятие

«русским медведем» норм права, отсутствие необходимого уровня законопослушности, трудовой дисциплины, нежелание подчиняться устоявшимся социальным нормам, включая общественные приличия.

«Наличие доброты, человечности, душевности» интерпретируется в качестве навязывания своей помощи окружающим, недостаточное чувство меры в проявлении заботы о людях, покушение на право частной жизни индивидов и неспособность к жесткой требовательности по отношению к тем, чье поведение в каком-либо отношении не соответствует общепринятым социальным, правовым и моральным нормам.

«Поиск правды», традиционно отличающий огромное количество русских людей, с позиций глобализма расценивается как покушение на устоявшийся миропорядок, стремление к деструктивной социальной активности, разрушающей общественные устои, нормы права, сложившиеся традиции «цивилизированного» западного мира, отождествляющего себя с передовым человечеством.

«Обезличивающий человека коллективизм» характеризуется современными глобалистами как привычка к снятию с себя персональной ответственности, инициативности, к нежеланию отстаивать свои интересы ради сохранения чувства коллективизма, нивелирующего человеческую индивидуальность. Особенно в этой связи достается советскому периоду и соответственно «пережиткам» советского общества, распространенным в современном российском обществе.

«Склонность к универсализму», присутствующая в русском национальном характере и выражающаяся как неуклонный поиск общечеловеческих ценностей и истин, способных объединить человечество трактуется в качестве стремления к мировой гегемонии российского общества, пытающегося навязать остальному миру свои представления о должном и истинных гуманистических ценностях.

«Проявление внешней благочестивости» оценивается как неумеренное стремление многих членов российского общества заменить реальную активную социальную и гражданскую жизнь усердным посещением церкви, что свидетельствует, по мнению глобалистов о культурной отсталости и социальной пассивности, распространенных среди населения нашей страны.

Таким образом, в информационно-пропагандистских глобалистских проектах и технологиях создается образ демонизированной отсталой России, который подкрепляется произвольным толкованием многих традиционных черт русского национального характера в соответствии

геополитическими интересами основных сценаристов и режиссеров соответствующих информационных процессов [9,10,11]. Перейдем теперь к обсуждению рассмотренных результатов анализа этих процессов.

Обсуждение

Имеет смысл рассмотреть имеющееся реальное позитивное культурное содержание выявленных противоречий в традиционной ментальности русского народа и дать его интерпретацию применительно к современному российскому обществу.

«Язычество, дионисизм — аскетизм, монашеское смирение». Это противоречие снимается благодаря устойчивому жизнелюбию русского народа, никогда не забывавшему о важности реального природного мира, его красоте и значимости для повседневного существования человека. Об этом свидетельствуют многие достижения фольклора, русской литературы и искусства, воспевающих красоту родной природы, любовь к «малой родине», где находится место памятным природным уголкам и христианской вере. Более того, можно утверждать, что сформировалось уникальное экологическое самосознание русского народа, в котором любовное отношение к природе и монашество соединились в благоговении перед природной средой как «творением божьим», в любви ко всему живому на Земле [14].

«Гипертрофированное значение даже деспотического государства и в то же время склонность к анархии, вольнолюбивость». Государство в традиционной российской ментальности воспринималось в соответствии с известным православным убеждением, что «всякая власть от Бога». Причем это убеждение не следует понимать упрощенно, как признак раболепия и бездумной покорности. Суть заключается в православном понимании свободы как внутреннего состояния человека, при котором отсутствует внутренняя зависимость от тех или иных пороков, греха, разрушающих человеческую душу зависимость. Если государство, по мнению многих русских людей, способствовало разрушению такой свободы, то оно оценивалось как несправедливое, античеловеческое. И тогда русский человек уходил во «внутреннюю эмиграцию» или начинал бунтовать, устраивать революции и пр. Таким образом, большинство социальных протестов в российском обществе имели преимущественно духовно-нравственную природу.

«Сочетание жестокости, стремления к насилию и наличие доброты, человечности, душевности» в русском национальном характере есть, как показывает специальный анализ, проявление духовно-нравственного максимализма, в котором существуют свои издержки. Но именно этот максимализм помог российскому

суперэтносу сохранить свою идентичность и сопротивляемость внешним социальным и культурным влияниям, разрушающим эту идентичность.

«Распространенность обрядоверия и поиск правды». Поиск правды в традиционном российском обществе осуществлялся на путях религиозной веры, но не путем логических и научных изысканий, о чем писал еще Н. Бердяев в своей известной работе «Истоки и смысл русского коммунизма» [1]. Следование же тем или иным обрядам помогало русскому человеку находить желанную правду на основе интуиции, эмоций, подтверждаемых соответствующим опытом социальной практики. Даже в советское время многие светские обряды таким образом сакрализировались «изнутри», способствуя формированию убеждений и духовно значимых ценностей. Следует признать, что религиозность в широком смысле слова свойственна большинству членов российского общества и в настоящее время.

«Индивидуализм и коллективизм». Принцип коллективизма в российском обществе преимущественно носил духовно-нравственный характер и трансформировался сначала в форме соборности, а затем в советский период в форме социалистических коллективов, способствующих формированию социалистической морали, стремлению служить, прежде всего, общественным целям. При всех издержках такого коллективизма присутствовало стремление максимально реализовать свой творческий потенциал, свои знания, умения и навыки на благо общества каждого члена коллектива. Тем самым осуществлялся своеобразный синтез индивидуальных и общественных интересов [7].

«Национализм и универсализм». Особенность русского духовного самосознания заключалась в принятии русским народом особой миссии освободителя «униженных и угнетенных» от той или иной эксплуатации, истребления, порабощения. Это свойство проявлялось как в международных отношениях, так и во взаимоотношениях с другими народами и национальностями внутри российского государства. Тем самым русский народ стремился на практике реализовать универсалистские ценности гуманизма, милосердия и сострадания по отношению к различным странам и народам [15,18].

«Глубокая внутренняя религиозность, носящая эсхатологически-мессианский характер и проявление внешней благочестивости». В русской духовной традиции вопросы веры носили жизненно важный характер. Искренняя вера в неизбежность возмездия или награды в потустороннем мире породила особый вид богобоязненности русского человека, которая обусловила наличие не только «страха божьего», но и совесть, в соответствии с которой появлялась возможность ду-

ховного самосовершенствования, искреннего покаяния и желания искупить свою вину за совершенные грехи. Вот как оценивал эту черту русского человека Ф.М. Достоевский: «Я как-то слепо убежден, что нет такого подлеца и мерзавца в русском народе, который бы не знал, что он подл и мерзок, тогда как у других бывает так, что делает мерзость, да еще сам себя за нее похваливает, в принцип свою мерзость возводит, утверждает, что в ней-то и заключается порядок и свет цивилизации, и несчастный кончает тем, что верит тому искренно, слепо и даже честно. Нет, судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и все это в самом привлекательном гармоническом соединении. А если при этом и так много грязи, то русский человек и тоскует от нее всего более сам, и верит, что все это — лишь наносное и временное, наваждение диавольское, что кончится тьма и что непременно воссияет когда-нибудь вечный свет» [4, с. 199–200].

Рассмотренные выше противоречия самосознания русского народа можно оценивать как мнимые, поскольку между, на первый взгляд, противоположными чертами русского национального характера наблюдается внутреннее единство этих противоположностей, которое не может быть обнаружено с глобалистских позиций (читай европоцентристских и американоцентристских).

Непонимание сущностных черт российской духовности и ментальности возникает благодаря преимущественному вниманию к поведенческим характеристикам русского социума. В этом случае те или иные проявления национально-культурной идентичности чаще всего не вписываются в привычное правовое поле буржуазных демократий, на основании чего эти проявления объявляются как признак вековой отсталости, варварства и дикости русского народа [13,16,20].

Вместе с тем, даже с учетом этого искреннего или демонстрируемого непризнания за российским обществом полноценной международной субъектности можно выделить те черты менталитета русского народа, которые соответствуют как международному праву, так и общечеловеческим ценностям.

Первая из этих черт заключается в особой милосердности и сострадательности русского человека, ставшей, по сути дела, культурной универсалией русского суперэтноса. Причем эти качества не являются избирательными, не предполагают деление народов на «своих» и «чужих», «достойных милосердия» и «недостойных». Российское общество в целом склонно к реализации главного принципа экологической этики, созданной

в свое время великим гуманистом и мыслителем А. Швейцером, которое звучит как «благоговение перед жизнью при сохранении воли к жизни». Но именно этой свойство русского человека не принимается во внимание глобалистами, заинтересованными в постоянном формировании образа России как «врага всего человечества».

Вторая черта заключается в устойчивом стремлении русского человека к социальной справедливости. Причем последняя понимается не так, как это принято на «просвещенном» Западе. Распространенная вульгарная трактовка социальной справедливости по отношению к самосознанию российского общества как «отнять и поделить», трактуемая в глобальном информационном пространстве, затемняет главный пафос этого стремления — достижение справедливости как помощь «униженным и оскорбленным». Там, где такая помощь отсутствует и порождает все новых людей, лишенных жизненно важных благ, эта справедливость отсутствует.

Заключение

Проведенный анализ влияния информационных глобальных процессов на сохранение национально-культурной идентичности российского общества позволяет сделать ряд выводов.

Первый из этих выводов заключается в сознательной дискредитации российской культуры и цивилизации глобалистских сил заинтересованных в освоении природных богатств России, отводя последней роль «сырьевого придатка» развитых стран Запада. В условиях ведущейся против нашей страны информационной войны значимым является не только разоблачение попыток демонизации и искажения образа России, но и поиск возможностей формирования ее позитивной идентичности в глазах собственных граждан и мирового сообщества.

Второй вывод заключается в необходимости установления межкультурного диалога с теми странами и народами, которые по-прежнему высоко оценивают позитивную роль русской культуры и уникальное место России в современном мире. Если для тех, кто не заинтересован в том, чтобы России не было как самостоятельного государства, ее позитивная идентичность не представляет какой-либо ценности, то для истинных партнеров и дружественных стран знания о такой идентичности являются насущной необходимостью.

Третий вывод состоит в необходимости дальнейших исследований возможностей выстраивания общецивилизационного культурного пространства, в котором должно быть найдено почетное место для России, адекватно воспринявшей высшие идеалы и культурные ценности стран Запада, имеющих общечеловеческое значение.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990. — 223 с.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. — СПб.: Азбука, Азбука, Аттикус, 2012. — 320 с.
3. Гудков Л. Негативная идентичность. — М.: Новое литературное обозрение. «ВЦИОМ — А», 2004. — 816 с.
4. Достоевский Ф. М. Избранное. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2000. — 400 с.
5. Достоевский Ф. М. Пушкин (очерк) / Достоевский Ф. М. Избранное. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2000. — С. 90–116.
6. Дробижина Л. М. Идентичность и этические установки русских в своей и иноэтничной среде // Социс, 2010, № 12. — С. 53–58.
7. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. — СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. — 608 с.
8. Каменец А. В., Орлова Н. Г. Роль государственной культурной политики в формировании духовной культуры российского общества // Художественное пространство культуры третьего тысячелетия: проблемы науки и образования: Сб. науч. тр. Высшей школы музыки им. А. Шнитке (институт) РГСУ. Вып. 3. — М.: ООО «Буки-веди», 2017. — С. 59–67.
9. Когатько Д. Г., Тхакахов В. Х. Российская идентичность. — СПб.: Алетейя, 2010.
10. Кожин В. В. О русском национальном характере. — М.: Алгоритм, 2002. — 384 с.
11. Культурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. — М.: Феникс, 1995. — 576 с.
12. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. — М.: Междунар. отношения, 2005. — 536 с.
13. Селезнева Е. Н. Культурное наследие в контексте макроисторической динамики: теоретико-методологические проблемы. — М.: Перспектива, 2012. — 100 с.
14. Соловьев В. С. Смысл любви: Избранные произведения. — М.: Современник, 1991. — 525 с.
15. Струве Б. П. Великая Россия / Философия серебряного века. — СПб.: Паритет, 2009. — С. 212–214.
16. Трофимов В. К. Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение Русского менталитета. — Ижевск: ФГОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2010. — 408 с.
17. Уткин И. В. Россия между Востоком и Западом: модусы человеческого бытия // Рождение культурологии в России / Сборник научных трудов. — Иваново; Шуя: Центр кризисологических исследований ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2011 — С. 302–308.
18. Франк С. Л. Смысл жизни / Философия серебряного века. — СПб.: Паритет, 2009. — С. 261–278.
19. Хренов Н. А. Русский протей. — СПб.: Алетейя, 2007. — 400 с.
20. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления. — СПб.: Авалонъ, Азбука — Аттикус, 2011. — 224 с.

© Каменец Александр Владленович (Kamenez.a@rambler.ru), Орлова Наталья Георгиевна (Nata-Lia-Nata@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный социальный университет